УДК 930.253:355](470)"1919.07"

Переговори Начальної команди Галицької армії з радянським керівництвом (початок липня 1919 р.)

Наприкінці травня 1919 р. Західна область Української Народної Республіки опинилася перед загрозою цілковитої польської окупації. В ході успішного наступу польські війська зайняли переважну частину галицьких земель. Однак Галицькій армії, затиснутій у невеличкому трикутнику землі між річками Дністер та Збруч, все ж вдалося перейти у контрнаступ („Чортківська офензива"). На цей час керівництво ЗО УНР вже фактично вийшло з підпорядкування урядові УНР. На початку червня 1919 р. президент Української Національної Ради Є. Петрушевич перебрав на себе повноваження диктатора, без згоди чи відома Директорії УНР на чолі з С. Петлюрою. Навіть галицькі війська, які вважалися складовою частиною загальноукраїнської армії, вже не підлягали командуванню армії УНР. Галицький командувач, генерал О. Греков, відмовився визнати укладене командуванням армії УНР перемир'я з поляками[1].

Але вже наприкінці червня 1919 р. нестача боєприпасів та амуніції призвела до того, що галицькі війська почали відступати на схід. Галицька армія знову опинилася на межі поразки. Не кращим у цей час було й становище наддніпрянської армії УНР, виснаженої у боях проти радянських військ на Поділлі.

4 липня Начальна команда Галицької армії звернулася до Головного отамана військ УНР С. Петлюри з повідомленням про те, що „під сильним напором польських сил, за браком амуніції й інших матеріалів, Галицька армія буде примушена перейти річку Збруч та шукати опору й охорони на широких ланах Великої України". У зв'язку з цим НКГА просила виділити Галицькій армії район для відпочинку та реорганізації. Як згадував помічник начальника 1-ї управи штабу Дієвої армії УНР полковник М. Капустянський, після короткої наради у штабі армії УНР за участю С. Петлюри було вирішено: „Вітати перехід Галицької армії за Збруч та всіма засобами скрасити й полегшити для неї цей важкий історичний крок"[2].

Однак у ці дні галицьке командування розпочало переговори ще й з більшовиками. Метою їх було домовитися про умови отримання від червоних зброї та боєприпасів, яких так гостро потребувала Галицька армія. На початку липня 1919 р. делегація галицького командування (Г. Давид, С. Магаляс, Зарембa) зустрілася у Бердичеві з народним комісаром військових справ УСРР Н. Подвойським, членом Реввійськради 12-ї радянської армії С. Араловим та іншими представниками радянського керівництва.

На цей час більшовики були поінформовані про суперечності між урядами УНР і ЗО УНР. Так, у повідомленні інформаційно-розвідувального відділення політичного відділу штабу радянського Українського фронту йшлося: „Поміж Петлюрою і галицькою владою цілковитий розкол"[3]. Деякі радянські чинники розраховували навіть „радянізувати" Галичину і перетворити цей край на форпост поширення „соціальної революції" у Східній Європі[4].

Але переговори галицького командування з червоними виявилися нетривалими. Радянська сторона відразу ж висунула умови політичного характеру і перемовини фактично зайшли в глухий кут. Пославшись на те, що вони не мають повноважень для вирішення політичних питань, представники НКГА повернулися до Галичини. А вже в середині липня 1919 р. Галицька армія перейшла через Збруч до Наддніпрянської України, де прийняла команду С. Петлюри і приєдналася до боротьби армії УНР проти більшовиків.

У Російському державному військовому архіві (далі – РГВА) збереглися матеріали, що кидають світло на перебіг бердичівських переговорів. Ці документи, які тривалий час залишалися невідомими для дослідників, нині пропонуються увазі читачів.

№ 1

Звернення представника 1-го Галицького корпусу Г. Давида до Таращанського радянського українського полку з проханням припинити будь-які бойові дії проти галицьких військ

19 червня 1919 р.

Сообщаю вам, что мы – украинский народ восточной Галиции, совокупив все свои силы на защиту своей свободы против буржуазной Польши, разбили поляков у Чорткова, Теребовли, Тернополя, Бережан, Збаража и Галича.

Позавчера и вчера, т. е. 17 и 18 июня н. ст. обстрелял какой-то бронированный поезд Збараж и расположенные в нем части I Галицийского корпуса.

Сегодня только узнали мы, что поезд этот принадлежит украинским советским войскам.

Предполагаю, что это только по ошибке могло случиться, так как мы, „Западная Украинская Народная Республика", до этих пор не имели никаких столкновений с украинскими советскими войсками и ни в каком случае не хотим с вами начинать войны, потому что мы только свою родину защищаем от польской буржуазии, направил меня „I Галицийский корпус" к Вам как делегата.

Не имея возможности доехать в Ваш штаб, прошу принять во внимание все выше изложенное и если не можете нам помочь, добыть нашему рабочему и крестьянину полную свободу, так по крайней мере не мешайте нам покончить с буржуазией.

С глубочайшим почтением,

/ Давид /

делегат РГВА. – Ф. 25860. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 33 – 33об.

№ 2

Стенограма переговорів народного комісара військових справ УСРР Н. Подвойського, члена Реввійськради 12-ї радянської армії С. Аралова та представників радянського керівництва з делегатами Галицької армії Г. Давидом, С. Магалясом і Зарембою

Початок липня 1919 р.

ПОДВОЙСКИЙ: Раньше всего, товарищи, будьте добры указать Ваши полномочия, уполномочены ли вы только военными властями, или и политическими?

ДАВИД: Полномочия мы имеем только от военного командования в целях обмена на разное военное снаряжение нефти, бензина и др. продуктов. Во главе командования до самого нашего отъезда стоял полковник Греков, теперь не знаем кто, т.к. когда мы уезжали, были накануне переворота командования.

ПОДВОЙСКИЙ: Почему командование не получило полномочия от правительства на переговоры с нами?

ДАВИД: Это не наше дело, мы только старшины, мы должны исполнять то, что нам приказано, а приказано нам только это.

ПОДВОЙСКИЙ: Скажите, пожалуйста, формальную базу, на которую опирается командование.

МАГАЛЯС: Вы будете, господин министр, смеяться над нами, когда Вы узнаете от нас больше, чем Вам могут дать Ваши разведчики. Мы можем отвечать только лишь в пределах той полновластии, которую нам предоставило военное командование. Мы и так много сказали такого, что даже как частные лица, не должны были сказать. Мы просим помощи материальной – амуниции, патронов, снарядов, винтовок, пулеметов, орудий и по возможности и технических материалов. Мы приходим к Вам, как имеющие общие интересы, т.к. и Вы, и мы сражаемся против поляков и в Ваших интересах помочь нам, т.к. если мы будем разбиты, вся сила польская обрушится на вас и вам придется (если вас совсем не отопрут) потратить вдвое больше снарядов и материалов, чем мы просим. Петлюра не может дать ни одного патрона, потому что он не признает нашего диктатора и не признает нас. В отношении же гарантии, то Вы сами понимаете, что мы против вас воевать не будем. Мы стоим на тех же принципах, как и вы, и разнимся только тактикой – вы стоите за диктатуру пролетариата, у нас же написано: „Да здравствует трудовое селянство". Мы не знаем, не будет ли завтра поздно. Если вы не дадите просимое, то вся армия, которая стоит сейчас против немцев и нас (т.к. мы без единого патрона, должны будем отступать), обрушится на вас.

ПОДВОЙСКИЙ: Мы рассуждаем, как товарищи, как материалисты, как реальные политики: что мы приобретаем, вступая с вами в какой угодно союз? Для нас самым интересным является то, чтобы у нас была одна интернациональная сила. И вот мы должны знать, за крестьянами и за рабочими крестьянской власти вы и ваша армия, согласны ли присоединиться к интернациональной армии, желаете быть по общим врагам и по общему фронту? На революцию я смогу поделиться последним и дам сколько есть патронов. Мы не сомневаемся, что вслед за патронами вам придется дать силу людскую и или славно умереть, или же вместе отступать.

ДАВИД: Оно так и придется, кажется.

ПОДВОЙСКИЙ: Наша задача заключается в том, чтобы не дать возможности Петлюре воспользоваться тем урожаем, который для нас необходим. Чтобы уничтожить силы Петлюры, которые страшны для нас не как сила реальная, а опасность заключается в том, что это есть недисциплинированная масса, которая начинает восстание и вносит дезорганизацию. Мы освобождаемся также от румынской опасности, действуя не только как громила, но и в качестве бродила. Этого мы достигнем единства с Чехией, Венгрией и Словакией, и тогда мы можем бросить свои войска на деникинский фронт. Петлюровские офицеры это понимают, понимают опасность их положения, даже больше того, они говорят, что мы бы пошли к большевикам, если бы нас не притесняли и не расстреливали. Я по этому поводу написал вчера воззвание к петлюровским офицерам.

ДАВИД: Я думаю, что оно свою цель достигнет.

ПОДВОЙСКИЙ: Я тоже думаю, что это воззвание подействует и к нам начнется большой поток этих офицеров. Конечно, их на этом фронте оставлять нельзя. У нас и теперь есть много офицеров Деникинской армии, которые прямо и честно говорят: вы нам не верьте и мы посылаем их на другие фронты, посылаем вглубь России. Чем дисциплинированнее наши части, тем больше приток к нам солдат противника, и вот такая платформа может дать выигрыш революции.

ДАВИД: У меня есть полномочия, но в определенных рамках. Я бы не мог согласиться на все то, что Вы говорите. Фронт против поляков, я понимаю, будет у нас в полном контакте, против румын также. Теперь вопрос относительно Петлюры. Я категорически заявляю, что против Петлюры мы не можем идти.

ПОДВОЙСКИЙ: Да против Петлюры вас и не пошлют. Нам необходимо только, чтобы ваш диктатор Петрушевич заявил, что он против Петлюры. Если бы Петлюра попытался отходить, то вы не должны открывать ему объятья, а должны выставить пулемет; штабы Петлюры, если у Вас таковые есть, вы должны их немедленно выбросить; если бы Петлюра старался завязать отношения с поляками, точно также вы должны во что бы то ни стало этому воспрепятствовать.

ДАВИД: Следовательно, всю работу Вы поручаете нам, но чтобы она не шла вразрез с вашими принципами, вклю-

чая и Петлюру. И вы не будете вмешиваться в нашу политическую работу. А какую материальную помощь мы могли бы ожидать от вас?

ПОДВОЙСКИЙ: Снаряды артиллерийские мы будем вам давать столько, сколько потребуется. Что же касается орудий, то мы будем вам давать их по мере возможности, сколько сможем, столько дадим. Относительно 48-ми лин. гаубиц, то так много, как вы просите (100), мы вам дать не можем, а дадим, сколько позволит военное положение на других фронтах. Но какое бы количество орудий у вас ни было, мы сможем вам дать полный боевой комплект снарядов.

ДАВИД: Но сколько же? Мы расходуем в день на одну батарею до 600 снарядов. Скажите нам цифру, сколько вы сможете дать.

АРАЛОВ: Товарищи, гораздо проще сделать так: скажите вы, сколько вам нужно чего, мы тогда можем запросить наше командование высшее и они нам ответят, могут они дать требуемую вами цифру или нет. Так сказать, предоставьте нам требовательную ведомость, а мы предоставим ее, со своей стороны, в Высший Революционный Совет всей Республики.

ПОДВОЙСКИЙ: Относительно просимых вами винтовок, то здесь дело обстоит несколько хуже. Винтовками мы вас в полной мере не можем удовлетворить.

ДАВИД: У нас есть некоторые сведения, что у вас имеются большие склады австрийских патронов. Винтовок австрийского образца у вас нет, а у нас имеются. Сколько таких патронов вы могли бы нам дать?

ПОДВОЙСКИЙ: То, что у вас есть австрийские винтовки, это, конечно, несколько облегчает положение, но какое количество патронов к ним мы можем вам дать, я в настоящее время затрудняюсь ответить. Я не знаю, сколько их у нас имеется, но это можно выяснить. Что касается пулеметов, то, конечно, пулеметы мы вам дадим, но не знаю, сколько именно.

ДАВИД: А технический материал?

АРАЛОВ: Так мы никогда не сговоримся. Нужно предложить им, посоветовавшись со своим правительством, составить требовательную ведомость и тогда мы сможем ответить, сколько и чего мы можем дать.

ПОДВОЙСКИЙ: Обоз, проволоку колючую мы можем дать вам.

ДАВИД: А ремонтных частей к автомобилям и частей к оборудованию мастерских, сколько вы можете нам дать? Я вообще удивляюсь, почему вы не хотите сказать прямо цифру? Вот, например, относительно патронов к австрийским винтовкам, ведь для них нет другого источника, кроме вас и Венгрии, у которой можно достать только путем обмена. Кухни, седла, уздечки вы можете нам дать.

ПОДВОЙСКИЙ: Кухни и уздечки мы можем вам дать, что же касается седел, то это будет очень трудно, почти что нельзя. Исходя из характера соглашения, мы должны признать, что ведь идет речь о жертвах, потому что вы понимаете, что мы воюем почти только теми снарядами и тем вооружением, которое осталось у нас в запасе, ведь производство почти стало у нас, значит, речь идет о запасах и мы, если бы мы и знали количество их, то во всяком случае не могли бы вам сказать.

ДАВИД: Я понимаю ваше положение. Мне это хорошо известно. Для меня только довольно странно, что Вы с такой осторожностью говорите обо всем.

ПОДВОЙСКИЙ: В качестве народного комиссара я не могу делать иначе. Мне предлагается дилемма – или сформировать свой корпус своими силами, а для этого мне потребуется два месяца, чтобы мобилизовать армию в 50 000 человек, или, с другой стороны, получить эти 50 000 человек у вас в течении двух недель.

ДАВИД: Даже раньше, с момента, когда вы дадите нам патроны, мы будем уже связаны с вами.

ПОДВОЙСКИЙ: У вас была связь прежде с Венгрией, теперь, если мы будем действовать с вами, то кто может поручиться, что не произойдет такая вещь: в самый трудный момент вы сложите оружие и скажете: мы дальше границы не идем, расходитесь, ребята, по домам. Мы желаем, чтобы вы были связаны с нами так, чтобы этого не могло произойти.

...: Меня интересует еще один вопрос и для нас он очень важен. Наш народ, народ Украины, воспитывался в старых традициях, вернее, в традициях старой Украины, а что, если вы начнете мешать нашему самоопределению. Что, если вы начнете навязывать нам «московскую мову». У нас сложилось такое мнение, что у вас на словах одно, а на деле совсем другое. Мы боремся с московским империализмом, под каким бы видом он к нам не пришел.

ПОДВОЙСКИЙ: Нет, сколько угодно, самоопределяйтесь. Хоть на 20-ти языках говорите, не то что на двух. Прежде, правда, мы делали ошибки, но ошибки эти встречаются во всяком строительстве. Здесь приходится иметь дело с совершенно другим явлением. Я сам украинец, я знаю, что если бы я проехал по Украине, побывал во всех местах, где происходили какие-либо восстания против Советской власти, то ни одного этого восстания не было бы. Нашими лозунгами прикрываются люди, которые не только не разделяют этих лозунгов, но являются чистейшими провокаторами. Что кулак делает. Лавочник, купец устраивает кооператив, чтобы у него товары не брались на учет, затем в двух-трех селах приходилось наблюдать и такую картину, что кулак приходит к бедняку и дает ему хлеб совершенно даром. И тут же спрашивает: а тебе Советская власть дала хлеб? Нет, говорит бедняк, не дала. А я вот тебе даю и даром даю. Что ж, говорит, свободу-то получил, ну и дальше... И все эти кулаки, все эти буржуи, с

которыми мы боремся, лицемерно прикрываются нашими лозунгами.
ДАВИД: Все это так. Я, конечно, верю в вашу откровенность, но едва ли те, кто идет за вами, будут думать так же. Ведь учение Христа и учение его последователей во многом и очень во многом расходятся.
ПОДВОЙСКИЙ: К сожалению, Христос не проповедовал расстрела. Вот в этом он ошибался. А кто сейчас борется на Украине? Вы не знаете, 75% всех войск, это русские войска. Это крестьяне Тульской, Калужской и других губерний. Они бьются у нас на Украине и отстаивают Донецкий бассейн.
ДАВИД: А потом они скажут: мы здесь хозяева, мы своею кровью добывали это.
ПОДВОЙСКИЙ: Извините, этого не может случиться. Нам сказали в Киеве, вы гости и сидите... был такой случай у нас в Киеве: приехали русские люди и во время моего отсутствия, так как они по-русски ничего не понимают, поснимали украинские вывески, и что же – пришлось их расстрелять, и пришлось декретом установить, что у нас нет господствующего языка и что эти два языка равны – и украинский, и русский. У нас и печати две.
ДАВИД: Я не враг социалистической Советской Республики, даже федеративной. Ваши идеи очень симпатичны. Но, может быть, ваши последователи будут смотреть иначе.
ДАВЫДОВ: У нас Республика Советов. Это значит, что каждый район, имея свои советы, составляет нечто целое в духовном смысле. И будет ли товарищ Подвойский и будет ли кто-либо другой, но принцип остается принципом.
ПОДВОЙСКИЙ: И, кроме того, ведь в недалеком будущем будет всемирный социализм. Ведь вы сами признали, что Германия, Франция, Румыния и другие страны накануне революции. Вот еще почему ваши опасения напрасны и не основательны.
ДАВИД: Если бы Республика Советов состояла из одних Подвойских и одних Давыдовых, тогда мне, конечно, нечего было бы опасаться. Но дело в том, что вы являетесь только рефлексом от тех масс. Поэтому-то я и опасаюсь. Может быть, они хороши до тех пор, пока вы даете им хлеб и вообще все продукты, может быть, потому они относятся хорошо к Украине, что вы вывозите для них все продукты.
ПОДВОЙСКИЙ: Мы из Украины ничего не вывозили. Мы ей больше дали, чем взяли. Сколько, вы думаете, мы вывезли хлеба отсюда?
ДАВИД: Думаю, что не меньше 50 миллионов пудов.
ПОДВОЙСКИЙ: Вы оставляете одного из Ваших товарищей здесь, даете нам шифр. Другие два едут дальше. Один из них остается на границе, также с нашими представителями, а третий из вас едет к себе. Затем, я поддерживаю предложение члена Реввоенсовета Республики тов. Аралова, чтобы вами была представлена требовательная ведомость. Сколько вам чего нужно, чтобы мы могли запросить наше правительство, может ли оно дать то, что вы просите. Другими словами, дайте нам реальные цифры. Затем, вы должны сказать, в случае заключения союза, какое количество и каких войск вы можете, во-первых, выставить в настоящее время, и какое количество можете представить впоследствии по мобилизации.
ДАВИД: Я исчисляю нашу армию, которую мы можем выставить впоследствии, от 150 – 200 тысяч. Сейчас у нас есть 50 000 штыков, 3 готовых корпуса кавалерии – 3 тысячи человек, 80 батарей со всеми принадлежностями, значит 320 орудий. Из этих 120 орудий 10% – гаубицы (48``). Пулеметов есть около 800 (Максима – 200, Шварц-Лозе 500 и Леэса приблизительно 200). Пулеметов Кольта есть настолько малое количество, что о них говорить не приходится. Есть аэропланы Готчинса, 6 тысяч инженерных войск (исключительно саперов, понтонных совсем нет), телефонный и телеграфный корпус 2 000 человек. Население у нас 1 миллион – до 1 миллиона, так что, считая, что годных к военной службе людей можно набрать 10% общего населения, выходит 150 тысяч только, но если мы придем в прежнее в отношении территории положение, то тогда численность армии может быть соответственно доведена до 200 тысяч. Обмундирования у нас почти нет. Солдаты почти босые. Хотя посевов в этом году сделано очень мало, но старых запасов у нас хватит до нового урожая, на всю нашу армию, на все 150 тысяч человек. Ежедневный паек на каждого солдата у нас представляет 700 грамм. Лошадей, в особенности обозных, у нас очень мало – около 20 тысяч. Денежный вопрос стоит очень плохо. Кредитных билетов, находящихся в обращении, хотя очень и очень мало, но стоимость предметов и жалование, получаемое нашими солдатами (солдат 45 руб., подполковник 350 руб.) дает возможность не чувствовать остроту положения. Кредитки по преимуществу – гривны. Население берет их больше чем охотно. Царских денег совершенно нет, да их и не берут.
ПОДВОЙСКИЙ: Наше соглашение может состояться только при условии sine qnanou, если ваш диктатор объявит, что петлюровскому движению он не сочувствует и считает его неприятелем, хотя согласно вашей просьбе, активных действий против Петлюры галицийские войска производить не будут. Это необходимо, чтобы крестьяне знали, что петлюровскому движению никто не сочувствует и никто его не поддерживает, т.к. мы объявили его врагом революции. Также было бы желательно, чтобы все те галичане, которые в настоящее время находятся в рядах петлюровских войск, чтобы они были отозваны вами. Если вы говорите, что вы можете действовать на них только влиянием, то чтобы вы употребили именно это влияние, так как вместе с переходом галичан от Петлюры к вам, к вам также перейдут винтовки, патроны и все оружие, в котором вы чувствуете недостаток.
РГВА. – Ф. 25860. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 20 – 25, 28 – 28об., 30, 32.

№ 3

Запис розмови народного комісара військових справ УСРР Н. Подвойського і члена Реввійськради 12-ї радянської армії С. Аралова з членом делегації Галицької армії Зарембою

Початок липня 1919 р.

ЗАРЕМБА: Галицийская армия спрашивает, почему ваших войск нет. Наш приезд имеет большое значение и произведет большое впечатление, когда узнает армия; пока же знает только командование. Войска состоят из крестьян, от 18 – 42 лет. Население приблизительно полтора миллиона людей. Наша армия пойдет со всеми, только не с поляками. В армии есть даже женщины. У нас есть нефть, бензин, лошади, кожа – угля нет. С Петлюрой у нас отношения таковы: он не признает нас и наше командование, издал приказ, в котором отзывает всех галичан, которые служат в армии Петлюры. То же самое сделал и Петлюра. У нас все […] обучены.

ПОДВОЙСКИЙ: Ваша армия партизанская в том смысле, что, например, когда армия будет отступать от родных селений, то они не захотят далее идти, уходить от своего дома.

ЗАРЕМБА: Да, в этом смысле партизанская.

ПОДВОЙСКИЙ: А из кого состоит ваш командный состав?

ЗАРЕМБА: Мужики только […] Студентов процентов 25, учителей […]. Остальные адвокаты, лекари. Студенты по большей части кулачество. Кулацкого элемента у нас мало. Петрушевский опирается на интеллигенцию, а интеллигенция влияет на массы.

ПОДВОЙСКИЙ: Почему не оформляется власть?

ЗАРЕМБА: Мы заняты тем, чтобы отогнать ляхов и мы теперь не обращаем на это большого внимания. Сам Петрушевский по профессии адвокат, типа Короленко, решительный. Всегда исполнит, что скажет. Социалистом никогда не был. Допускаю, что с Петлюрой наше командование может придти к соглашению, но считаю, сейчас не пойдет.

АРАЛОВ: предположим, что мы заключили с нами известный договор и предложили бы вам разбить банды Петлюры, как бы вы поступили?

ЗАРЕМБА: Я не думаю, чтобы командование согласилось уничтожить петлюровские банды.

РГВА. – Ф. 25860. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 29 – 29об.

№ 4

Проект попередньої угоди про військово-політичний союз між ЗУНР і УСРР

Початок липня 1919 р.

1). Галицийское правительство объявляет публично о своем разрыве с Петлюрой и отзывает всех галичан из его армии.

2). Галицийское военное командование объявляет о том же приказом по армии и заявляет, что Украинская Советская армия является дружественной по отношению к галицийскому народу.

3). Вырабатывается специальное соглашение оборонительно-наступательного характера, против польско-румынских империалистов. Соглашение базируется на следующих принципах:

а). Галицийская армия является частью Советских армий (России, Украины, Венгрии, Словакии и проч.), ведущих борьбу до полной победы над польско-румынскими империалистами.

б). Совместная борьба ведется по единому оперативному плану.

в). Для взаимной информации и контакта создается на паритетных началах Реввоенсовет польско-галицийского фронта.

г). Ведется взаимная борьба с возможным дезертирством и бандитизмом, дезорганизующими фронт.

д). Петлюровские части, перешедшие территорию Галиции и Украины, немедленно разоружаются.

е). Отдельные воинские части (украинско-галицийские), перешедшие по военным причинам на одну из указанных территорий, продолжают борьбу совместно с соответствующей армией, на территории которой они находятся.

4). Украинское правительство обязуется по мере возможности снабжать галицийскую армию необходимым оружием и техническим материалом.

Примечание: Военное командование Галиции допускает представителей Украинского военного командования к ознакомлению с состоянием Галицийской армии, как солдатских частей, так и командного состава.

5). Галицийское правительство доставляет на Украину возможное количество бензина, нефти и других продуктов своего производства.

6). Исключается военное вмешательство во внутреннюю жизнь и устройство Галиции.

7). Галицийское правительство обязуется воспретить у себя всякую агитацию против Украинской Советской власти.

РГВА. – Ф. 25860. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 26 – 26об.

ПРИМІТКИ

1 Капустянський М. Похід українських армій на Київ – Одесу в 1919 році (короткий воєнно-історичний огляд). – Кн. 2 (Ч. III). – Мюнхен, 1946. – С. 127.

2 Там само. – С. 20, 21.

3 РГВА. – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 96об.

4 Там же. – Ф. 25860. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 3.

Вступне слово, публікація документів і примітки

Михайла КОВАЛЬЧУКА